

Джон Диксон Карр

ТАЙНА
БЕЗУМНОГО
ШЛЯПНИКА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
HAG'S NOOK

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1933

THE MAD HATTER MYSTERY

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1933

THE EIGHT OF SWORDS

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934

Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Вероники Салье, Анастасии-Кристины Кульбацкой,
Полины Левченко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

План Тауэра в романе «Тайна Безумного Шляпника»
выполнен Александром Сабуровым.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © В. М. Салье (наследник), перевод, 1992
- © П. А. Левченко, перевод, 2024
- © А. А. Кульбацкая, перевод, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25672-9

ВЕДЬМИНО ЛОГОВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кабинет старого лексикографа тянулся во всю длину его небольшого дома. Это была огромная комната с поперечными балками на потолке, расположенная на несколько футов ниже уровня двери. Окна в задней ее части затенял высокий тис, сквозь ветви которого пробивались лучи вечернего солнца.

Есть что-то призрачное в дремотной прелести английского пейзажа. Это и сочная темная трава, и вечнозеленые кусты и деревья, и серенький шпиль церкви, и прихотливо выющаяся белая лента дороги. Для американца, который помнит свои шумные бетонные автострады, утыканные красными бензоколонками и окутанные вонью выхлопных газов, он особенно приятен. Здесь человек может свободно передвигаться и не чувствовать себя чужеродным телом, даже если он идет посередине дороги. Тэд Рэмпол смотрел на солнце сквозь частую решетку оконных переплетов, на темно-красные ягоды, сверкающие среди зелени тиса, и его охватило чувство, которое путешественник испытывает только на Британских островах. Это ощущение, что земля наша стара как мир и находится во власти колдовских чар; ощущение того, что картины и образы, возникающие из одного только слова «веселая», — это не фантазия, а реальность. Дело в том, что Франция, например, меняется так же часто, как меняется мода, и кажется не старше, чем шляпка прошлого сезона. В Германии даже легенды похожи на новенький часовой механизм, вроде тех заводных кукол, которые можно увидеть в Нюрнберге.

А вот английская земля кажется (как это ни невероятно) даже старее, чем ее башни, обросшие бородой из плюща. Звон вечерних колоколов доносится до нас словно из глубины столетий; всюду царит тишина, в которой неслышно движутся призраки, а в глубине лесов все еще скрывается Робин Гуд.

Тэд Рэмпол взглянул на хозяина дома. Доктор Гидеон Фелл, тучное тело которого едва умещалось в глубоком кожаном кресле, набивал свою трубку и, казалось, добродушно размышлял над тем, что эта трубка ему только что сообщила. Доктор Фелл был не так уж стар, однако он, совершенно очевидно, составлял неотъемлемую часть своей комнаты — комнаты, которая, по мнению гостя, могла бы послужить иллюстрацией к какому-нибудь роману Диккенса. Здесь было просторно и тихо; между дубовыми балками потолка виднелась закоптелая штукатурка. Вдоль стен тянулись огромные дубовые книжные полки, похожие на саркофаги, а над полками — окна с частым косым переплетом, так что каждое стеклышко имело форму маленького ромба; что же касается книг, то сразу было видно, что это ваши друзья. В комнате царил запах пыльной кожи и старой пожелтевшей бумаги, словно все эти величественные старинные тома расположились здесь всерьез и надолго, повесив на вешалку свои шляпы.

Доктор Фелл слегка задыхался, утомленный даже таким ничтожным усилием, как набивание трубки. Он был тучен и ходил опираясь, как правило, на две трости. В лучах света, падавшего из передних окон, его длинные густые темные волосы, в которых, словно пышные белые плюмажи, сверкали седые пряди, развевались, как боевое знамя. Эта грозная копна как бы двигалась впереди него, прокладывая ему путь. Лицо у него было большое и круглое, покрытое здоровым румянцем, и на нем то и дело возникала мимолетная улыбка, появляясь откуда-то снизу, из-под многочисленных подбородков. Но что сразу обращало на себя внимание, так это чертики у него в глазах.

Он носил пенсне на широкой черной ленте, и его маленькие глазки сверкали над стеклами, когда он наклонял вперед свою крупную голову; он мог быть свирепо-воинственным и хитро-насмешливым и каким-то образом умудрялся сочетать в себе то и другое одновременно.

— Вы должны нанести визит Феллу, — сказал Рэмполлу профессор Мелсон. — Во-первых, потому, что он мой старинный друг, а во-вторых, потому, что он — одна из важнейших достопримечательностей Англии. Этот человек буквально начинен самой разнообразной информацией, не всегда понятной, порой бесполезной, но неизменно восхитительно-интересной. Он будет вас кормить и накачивать разными напитками до полного обалдения; говорить будет, не останавливаясь ни на минуту, на самые разнообразные темы, но в основном о былой славе старой Англии, ее забавах и развлечениях. Он любит джаз, комедии с оплеухами и мелодраму. Отличный старик, он вам обязательно понравится.

Все это было абсолютно верно. Его гостеприимный хозяин был исполнен радушия, в нем была какая-то наивность, ни намек на аффектацию, так что буквально через пять минут после встречи Рэмпол почувствовал себя как дома. Собственно, даже еще раньше. Профессор Мелсон писал Феллу о Рэмполе еще до того, как тот отправился в Англию, и получил в ответ письмо, которое почти невозможно было прочесть, но которое было зато украшено забавными рисунками и завершалось стихами по поводу сухого закона. А потом они случайно встретились в поезде, еще до того, как Рэмпол добрался до Чаттерхэма. Чаттерхэм, графство Линкольншир, находится примерно милях в двадцати от Лондона и совсем недалеко от самого Линкольна. Когда Рэмпол садился вечером в поезд, у него было скверное, подавленное настроение. В этом огромном сером Лондоне, с его дымом и грохотом уличного движения, он чувствовал себя одиноким и потерянным. Одиночеством был наполнен и грязный, покрытый копотью вокзал, где все

скрежетало и ухало, где рябило в глазах от спешащих во всех направлениях обладателей сезонных билетов.

В залах ожидания было грязно и уныло, а у пассажиров, которые заходили в пропахший сыростью бар, чтобы пропустить рюмочку перед тем, как сесть в поезд и ехать домой, вид был еще более унылый. В тусклом свете вокзальных фонарей, таких же скучных, как и они сами, эти люди, казалось, были одеты в какое-то неопрятное латаное старье.

Тэд Рэмпол только что окончил университет и поэтому смертельно боялся казаться провинциальным. Он, правда, уже немало путешествовал по Европе, однако до сих пор это происходило под руководством родителей и по тщательно разработанному плану, с тем расчетом, чтобы получить за свои деньги все, что полагается. Ему всегда указывали, где и что нужно осматривать. Эти путешествия напоминали живой кинетоскоп¹, состоящий из почтовых открыток, снабженных лекциями. Оказавшись без руководства, он чувствовал себя растерянным, подавленным и даже испытывал некоторое негодование. К своему ужасу, он поймал себя на том, что сравнивает этот вокзал, отнюдь не в его пользу, с Главным Центральным² — большой грех с точки зрения лучших американских писателей.

Ах, да пошло оно все к черту!

Он усмехнулся, купил в киоске завлекательный роман и побрел к своему поезду. Он всегда испытывал затруднение, когда надо было считать эти проклятые английские деньги; там было ужасающее количество разнообразных монет совершенно непонятного достоинства. Составить нужную сумму было все равно что сложить картинку-головоломку — на это уходила уйма времени. И поскольку ему казалось, что промедление в этом случае выставляет его в невыгодном свете, будто он какой-то деревенский дура-

¹ *Кинетоскоп* — аппарат для просмотра быстро движущихся рисунков, предшественник кинематографии. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² Имеется в виду вокзал в Нью-Йорке.

чок, он обычно давал продавцу банкнот, даже если покупал какой-нибудь пустяк, предоставляя все расчеты другой стороне. В результате в его карманах скапливалось столько мелочи, что каждый его шаг сопровождался звоном.

Так оно и было, когда он столкнулся с девушкой в сером пальто. Он именно столкнулся с ней в буквальном смысле этого слова. Все произошло из-за того, что ему было страшно неудобно, он весь звенел, словно ходячий кассовый аппарат. Он попробовал засунуть руки в карманы, чтобы держать монеты изнутри, что несколько затрудняло его движения, и вообще он был так этим занят, что не замечал, куда идет, и вдруг на что-то налетел. Раздался глухой удар, и он услышал, как у него под мышкой что-то ойкнуло.

Из карманов посыпалось. Он смутно различил звон катящихся по деревянной платформе монет. Весь покрывшись потом от смущения, он обнаружил, что держит кого-то за плечи, а перед глазами у него — лицо. Если бы он был способен в тот момент произносить те или иные звуки, он бы воскликнул: «Ничего себе!» Потом он пришел в себя настолько, чтобы рассмотреть это лицо. На них падал свет из вагона первого класса, возле которого они стояли, и он увидел: маленькое личико, насмешливо приподнятые брови. Она как бы смотрела на него издали, глаза смеялись, однако в улыбке можно было прочесть сочувствие. Шапочка на ее блестящих черных волосах была надета кое-как, придавая ей бесшабашно-веселый вид, а синие глаза были настолько темного оттенка, что тоже казались почти черными. Воротник ворсистого серого пальто был поднят, что не мешало видеть улыбающиеся губы.

Она молчала, не зная, что сказать, а когда заговорила, в ее голосе слышался смех.

— А вы богатый человек, как видно. Не могли бы вы отпустить мои плечи?

Вдруг осознав, что под ногами у него валяются деньги, он поспешно отступил назад.

— Господи боже мой! Простите великодушно! Я настоящий баран. Я... Вы ничего не уронили?

— Сумочку, кажется, и книжку.

Он нагнулся, чтобы все это подобрать. Даже потом, когда поезд летел через напоенную ароматами тьму достаточно прохладной ночи, он не мог вспомнить, как начался разговор. Темные своды вокзала, дым и копоть, дребезжание багажных тележек были, казалось, не самыми подходящими условиями для начала, и тем не менее все оказалось в порядке. Ничего особенно умного сказано не было. Скорее наоборот. Они просто стояли и произносили какие-то слова, но в душе у Рэмпола все запело. Он сделал интересное открытие: книжка, которую он только что купил, и та, что он выбил у нее из рук, написаны одним и тем же автором. Поскольку этим автором был мистер Эдгар Уоллес, такое совпадение вряд ли особенно поразило бы незаинтересованного человека, однако Рэмполу оно показалось весьма знаменательным. Он поймал себя на том, что отчаянно старается развить эту тему, опасаясь, что девушка в любую минуту может уйти. Он слышал, какими надменными и неприступными считаются англичанки, и думал, что она разговаривает с ним просто из вежливости. Но было что-то такое — возможно, в темно-синих глазах, которые, прищурясь, смотрели на него, — что говорило о другом. Она стояла, прислонившись к стенке вагона, небрежно, по-мужски глубоко засунув руки в карманы ворсистого серого пальто, — самоуверенная маленькая фигурка с насмешливой улыбкой. И в какой-то момент ему показалось, что она так же одинока, как и он сам...

Он сказал, что направляется в Чаттерхэм, и спросил, где ее вещи. Она выпрямилась. И тут набежала какая-то тень. Легкий горловой голос — у нее была манера говорить отрывисто, проглатывая слова, — сделался вдруг нерешительным.

— Наши вещи у брата, — совсем тихо проговорила она и, помолчав, добавила: — Он наверняка опоздает на этот поезд. Вот уже свисток. Вам надо садиться.

Свисток орал как сумасшедший, наполнив резким звуком весь вокзал. Рэмполу казалось, что он вырывает что-то у него из рук. Игрушечный паровоз начал пыхтеть и заикаться; вокзальный свод вздрогнул; замигали огни.

— Послушайте, — громко проговорил он, — если вы едете следующим поездом...

— Садитесь же скорее!

Тут Рэмпол обезумел, сошел с ума, вроде этого свистка.

— К черту этот поезд! — заорал он. — Я могу ехать и на следующем. Мне, собственно, вообще никуда не надо ехать. Я...

Ей пришлось повысить голос. Ему показалось, что он разглядел ее улыбку, веселую и задорную.

— Глупый вы человек! Я ведь тоже еду в Чаттерхэм. Мы, наверное, там увидимся. Садитесь скорее!

— Вы уверены?

— Конечно.

— Ну, тогда ладно. Дело в том...

Она показала ему на поезд, и он вскочил в вагон как раз в тот момент, когда поезд тронулся. Он высунулся из окна в коридоре, стараясь еще раз ее увидеть, и услышал ее хрипловатый голос. Этот голос весьма отчетливо прокричал ему вслед весьма странную вещь:

— Если увидите призраков, поберегите их для меня!

Что за черт! Рэмпол глядел на темные силуэты пустых вагонов, на тусклые вокзальные фонари, которые, казалось, вздрагивали в такт движению поезда, и пытался осмыслить эту последнюю фразу. Слова, ее составлявшие, не вызвали особой тревоги, однако в них было что-то непонятное, многозначительное, что ли? Иначе и не выразишь. А может быть, все это просто шутка? Или слово «призрак» употребляется в Англии в переносном смысле? Входит в какое-нибудь цветистое выражение для обозначения, скажем, насмешки, пренебрежения или чего-нибудь в этом же роде? На мгновение ему стало жарко, шея под воротничком слегка вспотела. Нет, черт возьми! Это было бы

сразу видно. Проводник, который проходил мимо в этот момент по коридору, увидел молодого человека, по всей видимости американца, который высунул голову навстречу паровозной саже и жадно вдыхал эту сажу радостными глотками, как если бы то был свежий горный воздух.

Угнетенное состояние прошло. В этом маленьком тряском поезде, в котором почти не было пассажиров, он чувствовал себя так, словно несся по водной глади на быстрой лодке. Лондон уже не казался ему таким огромным и могущественным, а поля и холмы не вызывали мысли об одиночестве. В этой чужой стране он отведал живительной влаги и вдруг почувствовал, что здесь у него есть близкий человек.

Багаж? Он похолодел, но тут же вспомнил, что носильщик занес его в купе какого-то вагона. С этим, значит, все в порядке. Он чувствовал, как пол дрожит у него под ногами; поезд, набирая скорость, с грохотом мчался вперед, трясясь и качаясь на поворотах, оставляя далеко позади протяжный рев свистка. Именно так начинаются приключения. «Если увидите призраков, поберегите их для меня!» Хрипловатый горловой голос — почему-то кажется, что его обладательница встала на цыпочки, — замирая, остается на платформе.

Если бы она была американкой, он мог бы спросить, как ее зовут. Если бы она была американкой... однако — он вдруг ощутил это совершенно отчетливо — он совсем не хочет, чтобы она была американкой. Широко поставленные синие глаза, лицо, чуть слишком широкое, чтобы быть совершенным, алые губы, которые морщила улыбка; во всем этом была какая-то экзотика, и в то же время ее внешность была такой же англосаксонской, как несокрушимые кирпичные стены Уайтхолла. Ему нравилась ее манера произносить слова как бы с оттенком насмешки. Она казалась прохладной и чистой — так выглядят люди, привыкшие бродить по сельским просторам. Отвернувшись от окна, Рэмпол почувствовал сильное желание подтянуться на ру-

ках, уцепившись за верхушку двери в купе. Он бы так и сделал, если бы ему не помешало присутствие весьма мрачного и чопорного джентльмена с огромной трубкой и в дорожной шапочке, надвинутой на ухо на манер берета; он сидел у одного из соседних окон, уставив бессмысленный взор в пространство. Этот человек до такой степени походил на карикатурный тип англичанина из комиксов, что Рэмпол вполне готов был увидеть, как он, спотыкаясь и оглядываясь, бежит по коридору, приговаривая: «Что такое? Что такое? Что такое?», вздумай он, Рэмпол, сделать что-либо подобное.

Пройдет совсем немного времени, и он вспомнит этого человека, пока же было ясно только одно: он голоден и не прочь выпить. Он вспомнил, что где-то в поезде, впереди, есть вагон-ресторан. Выяснив, что его багаж находится в курительном отделении, он стал пробираться по узкому проходу в поисках пищи. Поезд шел сейчас по пригородным районам, в ущелье, образованном двумя световыми стенами, вагон скрипел и качался, над головой то и дело раздавался пронзительный паровозный гудок. К удивлению Рэмпола, в вагоне-ресторане оказалось довольно много людей; там было тесно, стоял тяжелый запах пива и растительного масла. Садясь за столик, за которым напротив него уже сидел какой-то человек, он подумал, что крошек и пятен на скатерти несколько больше, чем требуется, и снова упрекнул себя за свой проклятый провинциализм. Столик качался в такт движению вагона, в свете электрических ламп поблескивали никель и полированное дерево, и он с интересом наблюдал, как его визави пристраивает к своим усам стакан с пивом. Вытянув с удовольствием пенистую жидкость, человек поставил стакан на место и заговорил.

— Добрый вечер, — любезно начал он. — Вы молодой Рэмпол, не так ли?

Если бы он добавил: «Вы, кажется, прибыли из Афганистана», это не могло бы удивить Рэмпола сильнее.

Незнакомец захохотал, отчего его многочисленные подбородки пришли в движение. «Хе-хе-хе», — смеялся он, ну точно опереточный негодяй в спектакле. Маленькие глазки улыбались американцу поверх пенсне, которое он носил на широкой черной ленте. Пышная его шевелюра содрогалась от хохота, а может быть, от тряски, а может, от того и другого вместе. Он протянул руку:

— Видите ли, я — Гидеон Фелл. Боб Мелсон писал мне о вас. Я понял, что это вы, в тот самый момент, как вы вошли в вагон. По этому поводу мы должны выпить бутылочку вина. Собственно, две бутылочки: одну за вас и другую за меня. Хе-хе-хе! Официант!

Он повернулся в своем кресле, словно феодальный барон, повелительно вытянув руку.

— Моя жена, — продолжал доктор Фелл, продиктовав официанту заказ, которому позавидовал бы Гаргантюа, — моя жена никогда не простила бы мне, если бы я не перехватил вас в поезде. Она и так вся в запарке: и лучшая спальня не в порядке, там штукатурка сыплется с потолка, и поливалка для газона испортилась, не желала работать, пока не пришел наш пастор, а когда он за нее взялся, его с ног до головы окатило водой. Хе-хе-хе. Выпейте. Не знаю, что это за вино. Никогда не спрашиваю. Вино и вино, с меня этого достаточно.

— Ваше здоровье, сэр.

— Благодарю вас, мой мальчик. Позвольте мне... — начал он, но потом, вероятно, вспомнил о своем недавнем визите в Америку. — Впрочем, не будем тянуть резину. Хе-хе. Итак, вы любимый выученик Боба Мелсона? Он, кажется, говорил, что вы занимаетесь историей Англии? Собираетесь стать доктором философии, а затем заняться преподаванием?

Рэмпол вдруг почувствовал себя отчаянно молодым и глупым, несмотря на благожелательность, которую можно было прочесть на лице доктора. Он пробормотал что-то невразумительное.

— Отлично, — сказал доктор. — Боб хвалил вас, однако отметил: «Слишком уж у него богатое воображение», — так и сказал. Хм! А вот я думаю иначе. Они должны почувствовать величие и славу, говорю я, величие и славу! Вот когда я читал лекции в вашем Хейверфорде, они, может, не так уж много усвоили из английской истории, зато кричали «ура», мой мальчик, да, кричали «ура», когда я рассказывал им о великих битвах. Я помню, — продолжал он, а лицо его сияло, как будто в лучах заходящего солнца, — помню, как я учил их петь застольную песню солдат Готфрида Бульонского, пели ее во время Первого крестового похода, в 1187 году¹. Сам я был запевалой, а они все подхватывали и, как положено, притопывали в такт ногами; и вдруг появляется один ненормальный, профессор математики; он держится за голову и заявляет (удивительно выдержанный господин, так сказать): не будем ли мы так добры и не перестанем ли топтать, а то у них там, внизу, доска свалилась со стены. «Это неприлично, — говорит он, — пуфф, пуфф, кхм, весьма неприлично». — «Ничего неприличного, — говорю я, — это просто „Laus Vini Exercitus Crucis“»². — «Черта с два! — говорит он. — Что, я не знаю „Мы придем домой не раньше утра“, что ли?» И тут мне пришлось объяснять ему классические варианты... Хэлло, Пейн! — загремел доктор, прервав свою тираду и махая салфеткой в сторону прохода.

Обернувшись, Рэмпол увидел того самого мрачного и чопорного господина с трубкой, на которого обратил внимание недавно в коридоре вагона. Шапочку он снял, обнажив жесткий ежик седых волос; лицо длинное и темное, почти коричневое. На ходу он весь раскачивался и трясся, словно выбирая место, куда бы упасть. Он проворчал что-то не слишком учтивое, остановившись возле их столика.

¹ Ошибка автора: Первый крестовый поход под предводительством Готфрида Бульонского проходил в 1095–1098 гг.

² «Хвала кресту, но еще того более хвала вину» (лат.).

— Мистер Пейн — мистер Рэмпол, — познакомил их доктор Фелл.

Пейн посмотрел на американца, белки его глаз при этом странно сверкнули; взгляд казался подозрительным.

— Мистер Пейн — наш чаттерхэмский стряпчий, — объяснил доктор. — Послушайте, Пейн, где ваши подопечные? Я хотел, чтобы молодой Старберт выпил с нами стаканчик вина.

Тонкая худая рука Пейна потянулась к подбородку и стала его поглаживать. Голос у него был сухой и скрипучий, говорил он с трудом, словно ему приходилось заводить себя ключом.

— Не явились, — коротко ответил он.

— Хм, хе-хе. Не явились?

«От этой тряски, — подумал Рэмпол, — у Пейна развалятся все кости». Тот моргнул, продолжая поглаживать подбородок.

— Нет. Я подозреваю, — сказал адвокат, указывая на винную бутылку, — что он и так уже достаточно выпил. Возможно, мистер... мм... Рэмпол может кое-что нам об этом сообщить. Мне было известно, что ему не очень-то улыбается мысль просидеть целый час в Ведьмином Логове, но я все-таки не думал, что все эти мрачные легенды, связанные с тюрьмой, помешают ему явиться и исполнить то, что от него требуется. Впрочем, время еще, конечно, есть.

«Ничего не понимаю, — думал Рэмпол. — Ерунда какая-то. В жизни не слышал ничего подобного. „Просидеть час в Ведьмином Логове“, „легенды, связанные с тюрьмой“... А тут еще этот коричневый тип, у которого того и гляди руки-ноги отвинтятся; весь в морщинах, белки сверкают, а смотрит на тебя так же бессмысленно, как только что смотрел в окно». Рэмпол уже начал ощущать на себе действие вина. Что, черт возьми, все это означает?

— Прощу... прошу прощения, — проговорил он и оттолкнул от себя стакан.

В горле у Пейна что-то заворочалось и заскрипело.

— Быть может, я ошибаюсь, сэръ, но мне показалось, что я видел, как вы беседовали с сестрой мистера Старберта перед самым отходом поезда. Я подумал, что вы, может быть...

— С сестрой мистера Старберта, верно, — сказал американец, чувствуя, что кровь начинает пульсировать у него в горле. — Но с самим мистером Старбертом я не знаком.

— Правда? — сказал Пейн, и у него в горле снова что-то щелкнуло. — Понятно. Ну, так...

Рэмпол видел, что умные маленькие глазки доктора Фелла весело и внимательно смотрят сквозь очки, пристально наблюдая за Пейном.

— Послушайте, Пейн, — сказал доктор. — А он ведь боится не того, что встретит кого-нибудь из тамошних висельников, верно?

— Конечно нет, — ответил адвокат. — Прошу прощения, джентльмены, я должен пообедать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Остальная часть путешествия вспоминалась впоследствии Рэмполу как погружение в самую глубь страны, проникновение в прохладные таинственные области, где оставались вдали огни городов и паровозные гудки эхом отдавались в просторном пустеющем небе. Доктор Фелл положил конец разговору о Пейне, заключив эту тему презрительной тирадой.

— Да ну его! — фыркнул он. — Спорит по каждому поводу. Не обращайтесь на него внимания. А хуже всего то, что этот человек — математик. Да-с, математик, — повторил доктор Фелл, грозно уставившись на свой салат, словно ожидая найти в листиках латука бином Ньютона. А уж ему-то вовсе не следовало бы болтать.

Старый лексикограф не выразил ни малейшего удивления по поводу того факта, что Рэмпол был знаком с сестрой таинственного Старберта, за что американец был ему

благодарен. А сам, в свою очередь, не стал задавать никаких вопросов о странных вещах, услышанных им в тот вечер. Он откинулся в кресле, приятно разогретый вином, и слушал своего собеседника. Рэмпол не взялся бы выступать в роли знатока по поводу совместимости разных напитков, однако был слегка ошарашен, видя, как Фелл наливает в бокалы вино после портера, а потом, в конце обеда, завершает все это пивом. Тем не менее он мужественно поддерживал компанию, выпивая каждый налитый ему бокал.

— Что касается этого напитка, — разглагольствовал доктор так, что его голос гулко разносился по всему вагону, — что касается этого пойла, послушайте только, что сказал Эльвисмал: «Элем зовется он среди людей, но боги зовут его пивом». Вот так-то!

Красный от выпитого вина, он все говорил и говорил, раскачиваясь на своем стуле, роняя пепел от сигары на галстук, то и дело принимаясь смеяться. Только после того, как официант начал ходить возле их столика, почтиительно покашливая, удалось его уговорить уйти из ресторана. Громко ворча, опираясь на две палки, доктор Фелл с трудом двинулся из ресторана, сопровождаемый Рэмполом. Дойдя до своего вагона, они уселись друг против друга в уголке пустого купе. Фонарь в купе почти не давал света, там было даже темнее, чем снаружи за окном. Доктор Фелл, сгорбившись бесформенной массой в своем уголке, был похож — на фоне линиялой обивки сиденья и висевших над его головой еле различимых фотографий — то ли на лешего, то ли на домового. Он хранил молчание, тоже, вероятно, почувствовав нереальность царившей вокруг атмосферы. Прохладный северный ветер становился все свежее, на небе возшла луна. Там, вдали, куда не достигал летящий перестук колес, лежали древние, густо заросшие усталые холмы, а деревья были похожи на похоронные букеты. Молчание в конце концов нарушил Рэмпол. Он не мог больше сдерживать свое любопытство. Поезд с лязгом

остановился у платформы какой-то деревушки. Было совсем тихо, если не считать протяжных вздохов паровоза.

— Не могли бы вы мне объяснить, сэр, — начал американец, — что имел в виду мистер Пейн под словами «присидеть целый час в Ведьмином Логове»? Что все это означает?

Доктор Фелл, очнувшись от забытья, казался испуганным. Он наклонился к собеседнику, так что лунный свет блеснул на стеклах его пенсне. В наступившей тишине слышались тяжелые вздохи паровоза, похожие на то, как дышит загнанная лошадь, и тонкий металлический звон — за окном жужжали комары. Что-то звякнуло, и поезд дернулся. Качнулся и замигал фонарь.

— А? Что? Господи, я ведь думал, что вы знакомы с Дороти Старберт, мой мальчик. Мне не хотелось расспрашивать.

«Ага, это, очевидно, сестра. Спокойно, нужно действовать осторожно».

— Я только сегодня с ней познакомился, — сказал Рэмпол. — Почти ничего о ней не знаю.

— Так, значит, вам ничего не известно о Чаттерхэмской тюрьме?

— Решительно ничего.

Доктор поцокал языком:

— Значит, вы узнали все это только сейчас, от Пейна. Он принял вас за старого знакомого... Видите ли, сейчас в Чаттерхэме тюрьмы уже нет. Здание не используется по своему назначению с тысяча восемьсот тридцать седьмого года, теперь оно постепенно разрушается.

Мимо них с грохотом проехала багажная тележка. В темноте на мгновение вспыхнул какой-то фонарь, и Рэмпол успел разглядеть, что на лице доктора Фелла появилось странное выражение.

— А вы знаете, почему ее перестали использовать? — спросил он. — Из-за холеры. Да-да, конечно, из-за холеры.

Карр Дж. Д.

К 26 Тайна Безумного Шляпника : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. В. Салье, А. Кульбацкой, П. Левченко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-25672-9

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра — Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

В настоящий сборник вошли первые три романа из цикла, повествующего о приключениях доктора Фелла: «Ведьмино Логово» (1933), «Тайна Безумного Шляпника» (1934) и «Восемь мечей» (1934).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР

ТАЙНА БЕЗУМНОГО ШЛЯПНИКА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.07.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 41,16. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.п., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-1LD-34644-01-R